

О понимании абсолютных ценностей в праве

Ветютнев Ю. Ю.

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Российская Федерация)

E-mail: legalmind@yandex.ru

Аннотация

Введение. Цель статьи — уточнить онтологический статус такой категориальной связки, как абсолютные ценности, в контексте современного российского правового порядка. Основные задачи: определение мировоззренческих предпосылок деления ценностей на абсолютные и относительные; выявление критериев такого различения; анализ условий, позволяющих признавать те или иные правовые ценности в качестве абсолютных; выработка теоретического подхода, необходимого для обоснования абсолютных ценностей в праве. Новизна исследования состоит в том, что наиболее адекватным данной задаче признается деятельностный подход.

Методология и материалы. Основными методами, использованными в предлагаемом исследовании, являются деятельностный подход, структурно-функциональный анализ и сравнительный метод. Наиболее влиятельным в отечественной философии права продолжает оставаться психологизм в понимании ценностей. Противостоят этому различные объективистские концепции ценностей, отстаивающие их полную или, во всяком случае, существенную независимость от человеческого сознания. Противопоставление относительных и абсолютных ценностей, помимо прочего, выявляет статус ценностных оснований права в их имплицитном конфликте с правосознанием, поскольку они могут рассматриваться либо как имманентные ему и вместе с ним трансформирующиеся, либо, напротив, как его внешние референты.

Результаты исследования и их обсуждение. Какой бы явной относительностью ни обладали ценностные конструкции законодательства, правовой доктрины или судебной практики, само по себе это никоим образом не доказывает, что абсолютные ценности в праве отсутствуют. Существование абсолютных правовых ценностей, по общему правилу, строится на строго определенном основании, каковым выступает религиозное мировоззрение. Одна и та же юридически закрепленная ценность, рассматриваемая в светском или религиозном значении, может иметь совершенно различный смысл. Можно локализовать те ценностные сферы, где коренится потенциальная абсолютность: более или менее очевидно, что данное качество не присуще социальным практикам, чья относительность от набора внешних и внутренних условий слишком заметна, а также психологическим переживаниям, поскольку абсолют схватывается лишь умозрительно, но не эмоционально.

Выводы. Абсолютные ценности в официальном юридическом дискурсе возможны только за рамками их психологического понимания, поскольку сами попытки нормативно определить понятие и состав ценностей, по сути, призваны преодолеть аксиологический психологизм, отвергающий существование объективных абсолютных ценностей. Деятельностный подход к абсолютным ценностям, с одной стороны, и умеренный вариант ценностного релятивизма, не отрицающий бытия абсолютных ценностей, а лишь ставящий их под сомнение, — с другой, не могут быть синтезированы в рамках единой объяснительной модели. Однако они вполне могут соседствовать в философии права как проявления ее идейного разнообразия.

Ключевые слова: правовые ценности, психологизм, релятивизм, относительные ценности, абсолютные ценности, деятельностный подход.

Для цитирования: Ветютнев Ю. Ю. О понимании абсолютных ценностей в праве // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 4 (26). С. 49–57. EDN: DUGJPY

The article was submitted: 19.08.2025

The article approved after reviewing: 03.10.2025

The article accepted for publication: 07.11.2025

On Understanding Absolute Values in Law

Vetyutnev Yu. Yu.

Volgograd State University (Volgograd, Russian Federation)

E-mail: legalmind@yandex.ru

Abstract

Introduction. The purpose of the article is to clarify the ontological status of such a categorical bundle as absolute values in the context of modern Russian law and order. Based on this, the main tasks are: to determine the ideological prerequisites for dividing values into absolute and relative; to identify criteria for such a distinction; to analyze the conditions that allow recognizing certain legal values as absolute; to develop a theoretical approach necessary to substantiate absolute values in law. The novelty of the research lies in the fact that the activity-based approach is recognized as the most adequate to this task.

Methodology and materials. The main methods used in the proposed study are: activity-based approach; structural and functional analysis; comparative method. Psychologism in understanding values continues to be the most influential in Russian legal philosophy. This is opposed by various objectivist concepts of values, defending their complete or, in any case, significant independence from human consciousness. The opposition of relative and absolute values, among other things, reveals the status of the value foundations of law in their implicit conflict with legal consciousness, since they can be considered either as immanent to it and transforming together with it, or, on the contrary, as its external referents.

Research results and their discussion. No matter how obvious the relativity of the value constructs of legislation, legal doctrine or judicial practice may be, this in itself does not prove that absolute values are absent in law. The existence of absolute legal values, as a general rule, is built on a strictly defined foundation, which is a religious worldview. One and the same legally enshrined value, considered in a secular or religious sense, can have completely different meanings. It is possible to localize those value spheres where potential absoluteness is rooted: it is more or less obvious that this quality is not inherent in social practices, whose relativity from a set of external and internal conditions is too noticeable, as well as psychological experiences, since the absolute is grasped only speculatively, but not emotionally.

Conclusions. Absolute values in official legal discourse are possible only beyond their psychological understanding, since the very attempts to normatively define the concept and composition of values are, in fact, designed to overcome axiological psychologism, which rejects the existence of objective absolute values. The activity-based approach to absolute values, on the one hand, and a moderate version of value relativism, which does not deny the existence of absolute values, but only calls them into question, on the other hand, of course, cannot be synthesized within the framework of a single explanatory model. However, they may well coexist in the philosophy of law as manifestations of its ideological diversity.

Keywords: legal values, psychologism, relativism, relative values, absolute values, activity-based approach.

For citation: Vetyutnev, Yu. Yu. On Understanding Absolute Values in Law. *Theoretical and Applied Law*. No. 4 (26). Pp. 49–57. (In Russ.)

Введение

Случается, что юридическая формализация какого-либо понятия не столько придает ему определенность, сколько подсвечивает ее отсутствие или нехватку.

Актуальность предлагаемой темы определяется следующим: история официального ценностного дискурса в постсоветском праве, условно располагаемая между появлением аксиологических положений в Конституции Российской Федерации 1993 г. и Указом Президента от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹, показывает, во-первых, что само понятие ценности получает в лучшем случае расплывчатые определения (что вполне объяснимо, учитывая прагматику правового регулирования, которое не способно и не обязано восполнять мировоззренческие пробелы чисто концептуального характера), во-вторых, что важнее, сам характер нормативно признаваемых ценностей не уточняется (в частности, стоит ли их рассматривать в целом как абсолютные или относительные, хотя в ряде случаев это становится ясно из контекста).

Цель статьи состоит в том, чтобы уточнить онтологический статус такой категориальной связки, как абсолютные ценности, в контексте современного российского правопорядка.

Исходя из этого, в качестве основных задач выступают: определение мировоззренческих предпосылок деления ценностей на абсолютные и относительные; выявление критериев такого различения; анализ условий, позволяющих признавать те или иные правовые ценности в качестве абсолютных; выработка теоретического подхода, необходимого для обоснования абсолютных ценностей в праве. Новизна исследования состоит в том, что наиболее адекватным данной задаче признается деятельностный подход.

Методология и материалы

Основными методами, использованными в предлагаемом исследовании, являются: деятельностный подход; структурно-функциональный анализ; сравнительный метод.

Наиболее влиятельным в отечественной философии права, вероятно, продолжает оставаться психологизм в понимании ценностей, который, согласно Н. О. Лосскому, представляет собой «учение, утверждающее, что всякий предмет, даже и предмет внешнего мира, имеет ценность лишь постольку, поскольку он вызывает в душевной жизни субъекта некоторые индивидуально-психические переживания, именно, согласно одним теориям, чувство удовольствия (или неудовольствия), согласно другим — желание, согласно третьим — чувство ценности»².

Созвучны этому, например, характеристики ценностей, предлагаемые В. П. Малаховым: «единство двух форм мотивации», «устойчивое ожидание», «предрасположенность», «готовность», «настрой» и «чистая субъективность»³.

Интересно, что подобное понимание ценностей оказывается вполне дружественным юридическому позитивизму, достаточно лишь соотнести ценности и правовые нормы как социально-психологический источник нормативного регулирования и его внешнюю форму или результат.

Противостоят этому различные объективистские концепции ценностей, отстаивающие их полную или, во всяком случае, существенную независимость от человеческого сознания, например: «Чувства суть одежды, в которых объективные ценности появляются в сознании»⁴.

¹ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

² Лосский Н. О. Ценность и бытие // Бог и мировое зло. М., 1994. С. 256.

³ Малахов В. П. Мифы современной общеправовой теории. М., 2013. С. 99. EDN: UEKWET

⁴ Лосский Н. О. Указ. соч. С. 259.

Н. О. Лосский также констатирует, что «психологистические» теории с их субъективацией ценности, по общему правилу, отвергают существование абсолютных ценностей⁵.

Анализ психологических теорий ценности скорее подтверждает этот вывод, хотя и не полностью. Так, А. Маслоу, хотя и признает наличие абсолютных ценностей, характеризует их так: «Человек считает абсолютной, наиглавнейшей ценностью, синонимом самой жизни ту потребность из иерархии потребностей, желание удовлетворить которую доминирует в нем в данное время. Стало быть, эти фундаментальные потребности или фундаментальные ценности могут рассматриваться и как цели, и как ступени лестницы, ведущей к единой конечной цели. Единая абсолютная ценность, или жизненный предел, действительно существует...»⁶

Следовательно, противопоставление относительных и абсолютных ценностей, помимо прочего, выявляет статус ценностных оснований права в их имплицитном конфликте с правосознанием, поскольку они могут рассматриваться либо как имманентные ему и вместе с ним трансформирующиеся, либо, напротив, как его внешние референты. Эта дилемма может быть представлена также в формулировке Х. Йоаса: «Действительно ли акторы являются всего лишь марионетками, управляемыми культурными ценностями, или же в динамичных ситуациях повседневности размытые ценности всегда сначала переводятся самим действующим субъектом в конкретные ориентации, соотносятся с другими мотивами и, возможно, пересматриваются по результатам действия»⁷.

Результаты исследования и их обсуждение

1. К уточнению типологии правовых ценностей. Трудно отрицать, что на эмпирическом уровне наблюдения за состоянием правовой системы скорее подталкивают к ценностному релятивизму. Действительно, чаще всего приходится наблюдать, как правовые ценности оказываются относительными:

- во-первых, по субъекту, поскольку различные социальные группы с присущими им правовыми статусами неодинаковым образом мыслят и провозглашают как конкретный состав ценностей, так и их иерархическое положение в общей системе;
- во-вторых, по основаниям, ибо способы идейного подкрепления правовых ценностей могут существенно варьироваться от полного волюнтаризма до глубокой фундированности на философском или религиозном уровнях;
- в-третьих, по содержанию, поскольку даже единство концептуального обозначения ценности (например, «свобода» или «справедливость») может сопровождаться настолько принципиальными разногласиями в интерпретациях, что фактически речь идет о совершенно различных явлениях;
- в-четвертых, по применению, так как даже в рамках консенсуса, достигнутого по поводу перечня и смысла ценностей, как правило, сохраняется доля произвола в отношении того, что считать соответствующим этим ценностям, а что — противоречащим.

Все эти аспекты ценностей, подвергаясь правовому опосредованию, оказываются в зависимости от социально-политического контекста, религиозных верований, стереотипов общественного сознания и множества других меняющихся факторов.

При этом, как отмечает Т. А. Вархотов, признание культурной относительности любых ценностей сочетается со стремлением видеть в них нечто, в действительности не зависящее от человеческого произвола⁸.

Если же допустить существование абсолютных ценностей, то им присуща автономия от любых обстоятельств, фиксированная значимость, невозможность утраты или понижения ценностной значимости. Согласно Н. О. Лосскому, «абсолютная положительная ценность есть ценность, сама в себе безусловно

⁵ См.: там же. С. 250.

⁶ Маслоу А. Психология бытия. М., 2022. С. 186.

⁷ Йоас Х. Возникновение ценностей. СПб., 2013. С. 31.

⁸ Вархотов Т. Неконвенциональная природа ценностей // Patria. 2024. № 1. С. 12. EDN: ZTBGZK

оправданная, следовательно, имеющая характер добра с любой точки зрения, в любом отношении и для любого субъекта; не только сама по себе она всегда есть добро, но и следствия, необходимо вытекающие из нее, никогда не содержат в себе зла»⁹.

Исходя из этих характеристик, мы можем прийти к парадоксальному, на первый взгляд, выводу: радикальный ценностный релятивизм в сфере права невозможен.

Какой бы явной относительностью ни обладали ценностные конструкции законодательства, правовой доктрины или судебной практики, само по себе это никоим образом не доказывает, что абсолютные ценности в праве отсутствуют. Например, скептицизм в отношении ценностей характерен для различных вариантов правового реализма. Как отмечает К. Левеллин, «категории и концепции, однажды сформулированные и внедренные в мыслительные процессы, стремятся принять образ крепкой, реальной и неотъемлемой ценности, которая не имеет подтверждения на практике»¹⁰. Однако поставить под сомнение те или иные правовые ценности и даже разоблачить их иллюзорный характер — еще не значит убедительно обосновать, что абсолютных ценностей вообще не существует. Собственно, эмпирическое исследование правовой реальности такую задачу выполнить не в состоянии.

Таким образом, релятивистские представления о правовых ценностях с необходимостью носят умеренный характер, поскольку сводятся к констатации того, что относительными являются отдельные ценности, или даже что они таковы по преимуществу, однако бытия абсолютных ценностей это не исключает.

2. Об источнике абсолютных ценностей в праве. Вероятно, теоретически возможны три общие модели отражения ценностей в позитивном праве:

- 1) Придание всем ценностям строго относительного значения.
- 2) Обоснование отдельных ценностей в качестве абсолютных.
- 3) Функциональное приравнивание некоторых ценностей к абсолютным без специального обоснования.

В последнем случае можно говорить о своего рода «квазиабсолютных» ценностях, которые преподносятся как непререкаемые, но сугубо декларативно. Такая практика характерна для светских правовых систем идеологизированного типа.

Например, можно было бы предполагать, что в советской правовой доктрине по мере ее обращения к ценностной проблематике будет господствовать радикальный релятивизм в духе классовых интересов и принципа партийности. Вместо этого мы видим, что классовая обусловленность права хотя и признается, но атрибутируется преимущественно буржуазному праву, а социалистическое право характеризуется совсем иначе: оно «служит наиболее гуманной цели, связанной с достижением высшей социальной справедливости, — построению коммунистического общества»¹¹.

Квазиабсолютный характер таких ценностных построений выражается в том, что на уровне правовой доктрины ценность построения социализма или коммунизма, как правило, не требует обоснования, поскольку предполагается, что по данному поводу существует общепринятая конвенция. В этом смысле конвенциональный характер правовых ценностей, на котором с точки зрения диалектико-материалистического подхода настаивает А. И. Клименко¹², образует благодатную почву именно для квазиабсолютности в их понимании: если ценности конвенциональны, то они носят относительный характер, будучи производными от социального компромисса, однако постольку, поскольку этот компромисс реально существует и не требует возобновления, то соответствующие ценности как будто и не нуждаются в обосновании и временно выглядят как абсолютные, по крайней мере, на официальном уровне.

⁹ Лосский Н. О. Указ. соч. С. 288.

¹⁰ Левеллин К. Н. Реалистическая юриспруденция — следующий шаг // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 4 (321). С. 179. EDN: VZVONP

¹¹ Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971. С. 160. EDN: VLWUZP

¹² См.: Клименко А. И. Диалектико-материалистическое понимание правовых ценностей в рамках социоаксиологического подхода к праву и дискурсивно-конвенциональной правовой теории // История государства и права. 2024. № 1. С. 4–5. DOI: 10.18572/1812-3805-2024-1-2-8. EDN: GHJZKE

Что касается собственно абсолютных правовых ценностей, то их существование, по общему правилу, строится на строго определенном основании, каковым выступает религиозное мировоззрение.

Насколько светскому правовому сознанию импонирует относительность ценностей, позволяющая беспрепятственно манипулировать их значимостью, настолько же органично религиозность порождает абсолютные ценности. Она становится их источником в двояком смысле: онтологически — через контакт с высшими сверхъестественными силами; гносеологически — благодаря априорной вере в духовные авторитеты.

Таким образом, одна и та же юридически закрепленная ценность, рассматриваемая в светском или в религиозном значении, может иметь совершенно различный смысл. Например, в секулярной правовой системе свобода — это одна из ценностных характеристик субъекта права, которая признается, поскольку не противоречит задачам правопорядка, и может быть ограничена исходя из государственной необходимости; с точки зрения христианства свобода — это неотъемлемое свойство человека, вытекающее из его богоподобной природы. В светском государстве справедливость — это один из принципов права, который может быть скорректирован другими ценностями; в христианском понимании справедливость — это основное начало божественного мироустройства.

В процессе секуляризации, разумеется, статус религиозных правовых ценностей существенно усложняется. Постольку, поскольку ни одна религия в обществе современного типа не может считаться обязательной для всех, а религиозные убеждения становятся частным делом человека, абсолютный характер правовых ценностей теряет свою общезначимость. Императивным остается только светское, то есть относительное содержание ценностей, тогда как их обоснование остается на долю религиозной веры; иначе говоря, сама абсолютность ценностей фактически становится производной от конфессиональной принадлежности и невозможной в случае атеизма или религиозной индифферентности.

При этом существование системы правовых ценностей на строго относительной или квазиабсолютной идеологической основе само по себе далеко от благополучия. Особенно наглядно это проявляется в те исторические моменты, когда возникает необходимость в пересмотре сложившихся ценностных конвенций: попытки обновления системы правовых ценностей оборачиваются либо произвольными манифестациями, либо идейной цикличностью, когда одни ценности обосновываются другими, либо постановкой ценностей в прямую зависимость от социально-исторических условий, то есть почти открытым признанием их конъюнктурного характера.

3. Абсолютные правовые ценности в контексте деятельностного подхода. Анализ существующих концепций в сфере аксиологии права показывает, что большинство из них выдержано в духе так называемого натуралистического подхода. Согласно описанию Г. П. Щедровицкого, «натуралистическая точка зрения может быть определена прежде всего как предположение и убеждение, что человеку противостоят независимые от деятельности объекты природы; как таковые они вступают в те или иные отношения с человеком, взаимодействуют с ним, влияют на него и, благодаря этим взаимодействиям и влияниям, через них, даны человеку»¹³.

Таким образом, исходя из этой установки, ценности, в том числе правовые, изучаются как нечто уже существующее, готовое, представленное как объект наблюдения, будь то в субъективном или объективном качестве.

Однако, при кажущейся самоочевидности, натуралистический подход не является единственно возможным. Ему противостоит деятельностный подход: «Деятельностная точка зрения, выступающая в качестве альтернативы натуралистической, может быть определена прежде всего как предположение и убеждение, что все „вещи“, или „предметы“, даны человеку *через деятельность*, что их определенность как „предметов“ обусловлена в первую очередь характером человеческой социальной деятельности, детерминирующей как формы материальной организации мира — „второй природы“, так и формы человеческого сознания, что, говоря об их *действительном существовании*, мы должны иметь в виду прежде всего рамки и контекст человеческой социальной деятельности...»¹⁴.

¹³ Щедровицкий Г. П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Избранные труды. М., 1995. С. 278.

¹⁴ Там же. С. 279.

В числе иных способов осмысления правовых ценностей занимает свое достойное место и тот подход, при котором они выступают как предмет социального конструирования. Как детально показывает, в частности, Н. В. Разуваев, в основу философии права вполне может быть положена идея, в соответствии с которой «как реальность, так и все ее феномены являются результатом конструирования на основе элементов субъективного и интерсубъективного опыта»¹⁵.

Если так, то, представляя ценность как сложную структуру, элементами которой являются: социальные практики, где вырабатываются и обмениваются вещи материального и идеального характера; интеллектуальные конструкции, обосновывающие значимость этих вещей; эмоциональные переживания и состояния, порождающие устремленность к тем или иным объектам; языковые формы, отражающие или провоцирующие такую устремленность, — имеем возможность каждый из этих аспектов и их совокупность, помимо всего прочего, считать результатами совместной деятельности.

Если же вернуться к постановке вопроса об абсолютных ценностях, то можно локализовать те ценностные сферы, где коренится потенциальная абсолютность: более или менее очевидно, что данное качество не присуще социальным практикам, чья относительность от набора внешних и внутренних условий слишком заметна, а также психологическим переживаниям, поскольку абсолют схватывается лишь умозрительно, но не эмоционально.

Выводы

Таким образом, выстраивая гипотетическую модель деятельностного конструирования абсолютных правовых ценностей, можем ограничить свое внимание двумя видами деятельности: интеллектуальной и речевой. Иначе говоря, речь идет о том, каким образом следовало бы вести рефлексии и коммуникацию, если ставить перед ними задачу утверждения каких-либо ценностей в качестве абсолютных.

Характерно, что Г. П. Щедровицкий при построении общей «трехпоясной» схемы мыследеятельности подчеркивал, что центральное место в ней должен занимать «пояс полифонической и полипарадигматической мысли-коммуникации, выражающейся и закрепляющейся прежде всего в словесных текстах», который соединяет два других пояса — коллективно-групповое мыследействие и «чистое мышление»¹⁶.

Исходя из этого, можно предположить, например, что коммуникативная концепция права, предполагающая, что «говорить о состоявшемся праве надо не тогда, когда текстуальное правило создается, формализуется и доводится до сведения адресатов, а тогда, когда адресаты предписанным образом на негоотреагируют, то есть вступят в правовую коммуникацию»¹⁷, — в определенном смысле представляет собой вариацию деятельностного подхода с акцентировкой на такой компонент, как «мысль-коммуникация».

В идейном отношении содержание деятельности, могущей привести к образованию абсолютных правовых ценностей, выражается в таком целенаправленном осмыслении правовой реальности, когда выделяется такая ценность (единственная или в ряду других), которая, во-первых, выступает основанием силы иных ценностей, а во-вторых, при конкуренции с ними априори считается первенствующей.

Примером такой деятельности могло бы стать обоснование человеческой личности как абсолютной правовой ценности, в духе христианского гуманизма и антропоцентризма, с последующим риторическим оформлением этой идеи в различных официальных и неофициальных источниках. Собственно, ст. 2 Конституции Российской Федерации, с ее провозглашением человека высшей ценностью, представляет собой результат аналогичной деятельности, хотя в конечном счете попытка абсолютизации этой ценно-

¹⁵ Разуваев Н. В. Семиотические аспекты правового конструирования социальной реальности // Культуральные исследования права / под общ. ред. И. Л. Честнова, Е. Н. Тонкова. СПб., 2018. С. 109–110.

¹⁶ Щедровицкий Г. П. Схема мыследеятельности — системно-структурное строение, смысл и содержание // Избранные труды. С. 286.

¹⁷ Поляков А. В. Идея нормативности права и общественный идеал: петербургский подход // Нормативность в праве: понятие, интерпретации, взаимосвязь с другими правовыми свойствами / Под ред. И. И. Осветимской, Е. Г. Самохиной. СПб., 2024. С. 79.

сти и не удалась, поскольку в последующем она представлена как подлежащая ограничению исходя из иных ценностей и, следовательно, относительной.

Вместе с тем, например, суждение А. В. Полякова «Только взаимное признание человека человеком в качестве самоценности, защищенной от любого произвола „бронею“ прав и обязанностей, может служить минимально необходимым условием для установления гражданского мира в обществе и государстве»¹⁸ описывает возможное конституирование абсолютной ценности именно в контексте деятельности: «установление мира» и «взаимное признание» представляют собой именно те сложные интеллектуально-риторические практики, в ходе и в итоге которых не случайным, а осознанным способом складывается образ той или иной ценности либо как относительной, либо как абсолютной.

Основное различие натуралистического и деятельностного подхода к проблеме абсолютных ценностей сводится к тому, что в первом случае они мыслятся как нечто готовое и требующее лишь выявления, а во втором они заново вырабатываются и обновляются усилиями людей и сообществ.

Резонен вопрос о том, какие факторы при деятельностном подходе влияют на процесс конструирования ценностей и не нарушается ли этим их абсолютность. Разумеется, абсолютные ценности не могут сами лежать в истоках этой деятельности, иначе появляется неразрешимый логический круг. Вероятно, в предыстории абсолютных ценностей могут лежать либо ценности с относительным или неопределенным статусом, которые в ходе рефлексии и дискурсивных практик «дозревают» до состояния абсолютности, либо иные условия внеценностного характера, например, исторические условия или экономические отношения, подлежащие «снятию» в виде абсолютных ценностей.

Подведем итог. Абсолютные ценности в официальном юридическом дискурсе возможны только за рамками их психологического понимания, поскольку сами попытки нормативно определить понятие и состав ценностей, по сути, призваны преодолеть аксиологический психологизм, отвергающий существование объективных абсолютных ценностей.

Деятельностный подход к абсолютным ценностям, с одной стороны, и умеренный вариант ценностного релятивизма, не отрицающий бытия абсолютных ценностей, а лишь ставящий их под сомнение, — с другой, разумеется, не могут быть синтезированы в рамках единой объяснительной модели. Однако они вполне могут соседствовать в философии права как проявления ее идейного разнообразия.

Список источников

1. Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. М.: Издательство «Юридическая литература» Администрации Президента Российской Федерации, 1971. 223 с. EDN: VLUWZP
2. Вархотов Т. Неконвенциональная природа ценностей // *Patria*. 2024. № 1 (1). С. 9–29. EDN: ZTBGZK
3. Йоас Х. Возникновение ценностей. СПб.: Алетейя, 2013. 312 с.
4. Клименко А. И. Диалектико-материалистическое понимание правовых ценностей в рамках социо-аксиологического подхода к праву и дискурсивно-конвенциональной правовой теории // *История государства и права*. 2024. № 1. С. 2–8. DOI: 10.18572/1812-3805-2024-1-2-8. EDN: GHJZKE
5. Левеллин К. Н. Реалистическая юриспруденция — следующий шаг // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2015. № 4 (321). С. 154–191. EDN: VZVONP
6. Лосский Н. О. Ценность и бытие // *Бог и мировое зло*. М.: Республика, 1994. С. 250–314.
7. Малахов В. П. Мифы современной общеправовой теории. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 151 с. EDN: UEKWET
8. Маслоу А. Психология бытия. М.: Академический проект, 2022. 275 с.
9. Поляков А. В. Идея нормативности права и общественный идеал: петербургский подход // *Нормативность в праве: понятие, интерпретации, взаимосвязь с другими правовыми свойствами* / под ред. И. И. Осветимской, Е. Г. Самохиной. СПб.: Скифия-принт, 2024. С. 54–91. EDN: RMUFHR

¹⁸ Поляков А. В. Право и проблемы его аксиологического толкования: введение в философскую антропологию права и морали // *Толкование права: классика и постклассика* / Под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб., 2024. С. 120.

10. Поляков А. В. Право и проблемы его аксиологического толкования: введение в философскую антропологию права и морали // Толкование права: классика и постклассика / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2024. С. 77–193. EDN: LZEGUV
11. Разуваев Н. В. Семиотические аспекты правового конструирования социальной реальности // Культуральные исследования права / под общ. ред. И. Л. Честнова, Е. Н. Тонкова. СПб.: Алетейя, 2018. С. 108–152. EDN: XYUDWP
12. Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М.: Школа культурной политики, 1995. 800 с.

Об авторе:

Ветютнев Юрий Юрьевич, доцент кафедры конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета (Волгоград, Российская Федерация), кандидат юридических наук; e-mail: legalmind@yandex.ru

References

1. Alekseev, S.S. (1971) The social value of law in Soviet society. *Jurid. lit.* 223 p. (In Russ.)
2. Varkhotov, T. (2024) Unconventional Nature of Value // *Patria*. Vol. 1. No. 1. Pp. 9–29. (In Russ.)
3. Joas, H. (2013) The emergence of values. *Aleteya*. 312 p.
4. Klimenko, A. I. (2024) The dialectical and materialistic understanding of legal values within the framework of the socio-axiological approach to law and the conventional discourse legal theory. *History of the State and law*. No. 1. Pp. 2–8. DOI: 10.18572/1812-3805-2024-1-2-8 (In Russ.)
5. Llewellyn, K. N. (2015) A realistic jurisprudence — the next step. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*. 2015. No. 4. Pp. 154–191. EDN: VZVONP
6. Lossky, N. O. (1994) Value and being. In: God and World evil. *Respublika*. Pp. 250–314. (In Russ.)
7. Malakhov, V. P. (2015) Myths of modern general legal theory. *UNITY-DANA*. 150 p. (In Russ.)
8. Maslow A. (2022) Psychology of being. *Academic Project*. 275 p.
9. Polyakov, A. V. (2024) Law and the problems of its axiological interpretation: an introduction to the philosophical anthropology of law and morality. Interpretation of law: classics and postclassics. Ed. E. N. Tonkov and I. L. Chestnov. *Aleteya*. Pp. 54–91. (In Russ.)
10. Polyakov, A. V. (2024) The idea of normativity of law and the social ideal: the Petersburg approach. In: I. I. Osvetinskaya, E. G. Samokhina (eds). Normativity in law: concept, interpretation, relationship with other legal properties. *Skifia-print*. Pp. 54–91. (In Russ.)
11. Razuvaev, N. V. (2018) Semiotic aspects of legal construction of social reality. In: Chestnov I. L., Tonkov E. N. (eds). Cultural studies of law. *Aleteya*. Pp. 108–152. (In Russ.)
12. Shchedrovitsky, G. P. (1995) Selected works. *School of Cultural Policy*. 800 p. (In Russ.)

About the author:

Yuri Yu. Vetyutnev, Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law at Volgograd State University (Volgograd, Russian Federation), PhD in Jurisprudence; e-mail: legalmind@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.